

Феликс Кохрихт

МСИО. Я поведу себя в музей?..

«Я поведу тебя в музей!» – сказала мне сестра.
Из детского стихотворения 50-х годов XX в.

Уже месяца два как в ФБ одна за другой публикуются записи бесед с Валентином Хрущом, которые сделала Анжела Завьялова. Это отредактированные и адаптированные монологи, которые он, видимо, произносил по просьбе публикатора в 2000-е годы то ли в Кимрах, где жил, то ли в Москве. Может быть, и на роди-

«Заборная выставка». Фото Ильи Гершберга

не. Тогда мы организовали две ретроспективные выставки работ Хруща одесского «бархатного» периода, которые он рассматривал, как мне показалось, с грустью...

Среди современников и друзей Валика, его учеников отношение к этим материалам неоднозначное, как, впрочем, и у меня. События, описанные в них, в основном, имели место быть, но передать уникальную речь Хрущика, его интонации, местоимения, частицы и иные средства его коммуникации с городом и миром могут быть воспроизведены только посредством оригинальной звукозаписи – со всеми паузами, эканьями, со всем его ехидством и величием...

Недавно А. Завьялова опубликовала очередной фрагмент, касающийся, пожалуй, самого важного события в жизни Валентина Хруща и его единомышленника Станислава Сычева. Хотя оно и вошло в историю авангардного искусства Одессы и в монографии, посвященные его становлению, под весьма легкомысленным девизом «Сычик + Хрущик», словно взятым из повести Валентина Катаева «Белеет парус одинокий» с его героями Петей и Гавриком, но на самом деле значение его велико и серьезно. Обстоятельства и время – драматичны, и исход действия для его организаторов был непредсказуем.

Речь идет о первой в СССР неофициальной, не санкционированной ни Союзом художников, ни властями выставке картин так называемых нонконформистов. Ранним утром 8 мая 1967 года Сычик и Хрущик развесили свои работы на заборе, окружавшем оперный театр во время ремонта. Затем сели на бордюр Палерояля и стали ждать, что из этого получится.

Что получилось – об этом сегодня можно прочитать в воспоминаниях современников, монографиях и статьях, на сайтах и в ФБ, в том числе и в публикациях А. Завьяловой. Все, о чем она рассказывает со слов Хруща, давно известно и опубликовано, кроме одной, но важной детали. В беседе с публикатором Хрущ (с ее слов) рассказал следующее. Он вспоминает, как к оперному среди первых примчались журналисты – в основном «Комсомольской искры», Евгений Голубовский и другие, и, главное, фотокор Михаил Рыбак. Он был одним из самых оперативных и профессиональных среди своих одесских коллег. Я, который

в тот день тоже был у забора с картинами, помню, как он все щелкал и щелкал своей камерой... Спустя годы, уже в наши дни, Хрущ, как утверждает Завьялова, вспоминал, что Миша через пару дней передал ему много снимков, а главное – негативы.

И вот он: эксклюзив, во всяком случае – для меня. Снимки и негативы тогда же выпросил у Валика Слава Сычев, который собирался передать их некоему специалисту, который делает классные и большие фотографии. Судьба этих материалов не известна...

Фотографий, сделанных в тот день другими свидетелями события, – единицы.

До недавнего времени если не всю легендарную экспозицию, то ее фрагменты можно было увидеть в одном из залов Музея современного искусства Одессы. Словно перенесенные машиной времени из шестидесятых в век XXI, эти доски, пусть не из «того» забора, эти холстики и картоны, пусть и не все – «те», но, несомненно, «того» времени и тех художников, впечатляли зарубежных и отечественных искусствоведов и молодых художников, для которых и Хрущ, и Сычев – легенда... Да и нас – Голубовского, меня, Василия Рябченко, Александра Лисовского, Юрия Плисса – считающих себя последователями Хрущика и Сычика, реконструкция была впечатляющей и волнующей.

С декабря 2017 в этом зале – работы других художников, как и в соседних, где сегодня не увидишь картины и рисунки, к которым приходил с особым чувством. Нынче в МСИО – иная концептуальная экспозиция, о которой мы будем разговаривать с ее создателями, и еще своими мыслями по этому поводу поделится один из самых уважаемых культурологов и собирателей, причастный к становлению нового искусства Одессы. Но вначале – несколько цитат из концепции новой экспозиции, обнародованной МСИО в день ее открытия:

«Музей современного искусства Одессы представляет принципиально новую экспозицию, актуализирующую художественную проблематику через призму одесского искусства.»

Одна из ключевых задач современных музеев – это поиск новых форм интерпретации коллекции и взаимодействие со зрителем...

Своего рода экспериментом является перенос из одного контекста в другой заметных явлений в истории искусства нашего города: одесская живописная школа 1960-70-х годов; творчество первого одесского советского абстракциониста Олега Соколова; первая в СССР неразрешенная выставка «Сычик + Хрущик» (1967 г.); квартирные выставки в середине 70-х художников, нонконформизм которых проявился на уровне коммуникации и создания альтернативного художественного языка; концептуальное движение поколения 80-х...

Все эти феномены изъяты из поддерживающей их миф среды и размещены в диалоге с художниками официального круга.

Автор концепции задает себе и нам вопрос:

«На что необходимо ориентироваться в определении понятия «современное искусство» – на временные рамки, новые медиа, интеллектуальную составляющую, форму презентации? Современное – это modern и (или) contemporary?»

Проще всего было бы исчерпывающе ответить библейским: «В начале было Слово».

Но мы отсылаем тех, кто заинтересовался этой коллизией, к полному тексту концепции новой экспозиции МСИО, она этого стоит.

Я поведу себя в музей...

А я начинаю беседу с ее автором Викторией Великодоменко с поздравления:

– Мы встретились с вами сразу после открытия новой экспозиции, по сути – нового МСИО... Не каждый куратор получает в свое распоряжение целый вполне состоявшийся музей и в конце

концов наполняет его залы и новым содержимым (работами), и новым состоянием (аурой).

Вам это удалось – вне зависимости от того, кто и как сегодня воспринимает эту работу и ее результат. Сразу выражу уважение позиции директора МСИО Семена Кантора и признаюсь, что не решился бы на столь революционную ситуацию.

Вы ведь знаете, что мне приходилось принимать участие в создании фондов нового искусства, их коллекций, в реализации проектов, кроме того, у нас дома собраны работы одесских художников, работавших в разное время и в разной манере, но в основном тех, о ком в разных нынешних контекстах идет речь в концепции новой экспозиции МСИО.

Поэтому сегодня у меня к вам, Вика, вопросы как к коллеге и единомышленнику.

– Что побудило вас к идее и реализации этого проекта? Острое ощущение: надо что-то менять? Стремление приблизить бренд одесского музея к тренду зарубежных фондов? К примеру, Прадо, Пинакотеки, Дрезденской галереи, кото-

Виктория Великодоменко

рые в последнее время во имя той ли иной концепции практикуют сближение, а порой и столкновение работ мастеров разных эпох, стилей, мировоззрений...

– Социокультурный процесс сегодня настолько динамичен, что многим музеям приходится искать новые формы интерпретации своих коллекций и способы коммуникации со зрителем. В 2018 году Музей современного искусства Одессы будет отмечать свое десятилетие. За это время фонд, безусловно, пополнился новыми экспонатами, но...

Каждый музей имеет топовые работы, которые остаются в экспозиции, как бы она ни менялась. Этим произведениям необходимо давать новую жизнь. И не только произведениям. Заметные события художественного процесса, феномены тоже нуждаются в подаче в ином ракурсе.

– **Продолжим разговор о мировых тенденциях. В последние годы мне довелось познакомиться с масштабными проектами вышеупомянутых музеев, где после сведения вместе работ великих и знаменитых художников разных времен удалось и создать новую реальность, и открыть новые, подчас парадоксальные смыслы и качества их произведений. Но тамошние кураторы не только привлекают для этого работы из своих богатейших и необъятных фондов, но и одалживают у коллег из иных музеев и галерей, собраний знаменитых коллекционеров. Вам же пришлось работать с тем, что есть в нашем, пусть динамично развивающемся, но молодом музее с не сравнимыми возможностями. Вот, на мой взгляд, и случилось, что в нескольких случаях сведены работы, не сопоставимые и по масштабу, и по классу авторов.**

– Вы правильно сказали: обычно приходится работать с тем, что есть. Музей ограничен своим фондом. Поэтому мы сотрудничаем с частными коллекционерами. Например, наряду с экспонатами из фонда мы разместили в нескольких залах произведения не музейного уровня. Это обусловлено отнюдь не желанием подчеркнуть значимость наших работ. Скорее наоборот. Мы провоцируем зрителей задуматься относительно художественной ценности тех или иных произведений.

– Исходя из своего опыта знаю, что в любом собрании замена нескольких, а то и одной работы ведет к изменению композиции, которую составляют картины и рисунки, собранные на одной стене, а иногда – и на всем экспозиционном пространстве. А уж если речь идет о музее... Вы, разумеется, знали об этом и пошли на это. Что вы ощущаете сегодня? Довольны ли результатом? Нет ли желания что-либо изменить?

– Целью и было кардинальное изменение концепции музейной экспозиции. Мы отказались от хронологии, акцентов на знаковых авторах и ярких явлениях в истории искусства Одессы (залы, посвященные Олегу Соколову, «квартирные» и «заборные» выставки, концептуалисты и т. д.). Сегодня, когда экспозиция только открылась, у меня нет желания что-либо изменить, за исключением, возможно, невидимых зрителю, но существенных для нас технических нюансов. Говорить об изменениях (не радикальных) можно будет через какое-то время, когда увидим, как выстраивается или не выстраивается диалог со зрителем.

– Сколько продлится этот, с моей точки зрения, спорный, но и смелый, креативный проект? Что ожидает в будущем, пусть и не далеко, поклонников современного искусства – наших и приезжих? Гости города увидят срез истории и сегодняшнего дня одесского авангарда, причем вашими глазами, и уедут с этим представлением о нем? И личное: неужели я и мне подобные, как говорится, «участники движения», будем лишены возможности увидеть любимые и памятные работы?

– Экспозиция продлится до августа 2018 года Я рада, что мы немного изменили нашу выставочную практику. Теперь музейную коллекцию можно будет увидеть и летом, когда идет основной поток туристов. Последние несколько лет гости нашего города заставляли различные выставочные проекты и сожалели, что не могут ознакомиться с коллекцией Музея современного искусства Одессы. Любимые работы (а их много) остались, только они перенесены из одного (привычного для них и для нас) контекста в другой. И архивная составляющая тоже присутствует, но уже в новой – интерактивной форме.

– Я с сожалением узнал, что скоро вы покинете Одессу, где успели создать немало интересных и масштабных проектов.

Ваше последнее (по времени) детище остается, как говорится, без авторского, но, если хотите, материнского надзора... Придет другой куратор. Вы готовы к тому, что ему захочется что-то изменить в вашей экспозиции, в вашем проекте?

– Мне тоже отчасти жаль уезжать. Особенно сейчас, когда я только в начале пути, и столько проектов хотелось еще реализовать... А что касается авторского надзора, то... новый куратор будет работать уже над следующей экспозицией.

– И последний вопрос. Вы ведь и сами берете интервью у художников, искусствоведов, кураторов... О чем бы вы сегодня спросили у себя?

– Как мотивировать зрителя читать тексты?

Евгений Голубовский:

А я и сам хожу в музей, и приглашаю всех друзей

Музею современного искусства Одессы 10 апреля 2018 года исполнится 10 лет. Думаю, что не меньше пяти раз за это время менялась в корне постоянная экспозиция. Меняли не кровати, а девочек, если вспомнить старинный анекдот.

Чем это вызывается? Прежде всего, расширением коллекции. Но, конечно, и величиной, и конфигурацией выставочных залов.

И, наконец, пришедшим опытом, диктующим иногда и парадоксальные решения.

Уверен, что зритель, побывавший в музее в 2008 году в Сабанском переулке, вообще не узнает нынешний музей на Белинского (Леонтовича). Другая эстетика, другие приоритеты, да и экспонаты. Хорошо ли это, или плохо? Считаю, что так ставить вопрос некорректно. Музей – живой организм. И должен развиваться, меняться. Пожалуй, больше, чем все другие музеи города, он, чтобы оставаться *современным*, должен реагировать на сиюминутный творческий процесс.

Итак, я за постоянное экспериментирование в масштабе этого музея. Не удивился бы, если бы мне показали экспозицию, посвященную одесскому концептуализму, в который по-юношески влюбился директор МСИО Семен Кантор. Но скорее удивился. Музей предложил стать куратором, создателем экспозиции не художнику, не искусствоведа, а молодому культурологу Виктории Великодоменко, чьи интересы во многом близки к теоретическим.

А что такое произведение искусства? Как определить, какое произведение искусства станет дорогим, а какое упадет в цене? Можем ли мы дизайнерскую компьютерную игру вывесить рядом с картиной Наумца? Костанди? Рафаэля? Меняется ли табуированность в разные века?

Не думайте, что это вопросы доктринерские. Культуролог постаралась на них ответить экспозицией. Это еще одно произведение искусства – авторская экспозиция, построенная по принципу сталкивания картин, видео, инсталляций, разного уровня, но посвященных в одном зале или закутке – одной теме.

Музей помолодел. Ощущение, что мы под современным искусством понимаем 17 лет нового века. Прочее – классика, место которой на Софиевской.

Напомню, что предыдущие экспозиции строились по хронологии развития искусства в Одессе. Этот подход давал возможность образовывать зрителя. Нынешний подход скорее заставит думать, чем сопоставлять с историей искусства. Концепций придумать можно множество. Я тут же представил, что следующий куратор создаст Красный зал, где уютно будут чувствовать себя

Фрейдин и Белик, и Синий зал, где Олег Волошинов посмотрит на Юрия Егорова, Зеленый зал, где Юрий Коваленко окажется веселее, чем Леня Войцехов...

Но эта экспозиция просуществует до середины августа. Как раз за девять месяцев можно родить ребенка. И назвать его Озаринской. Ее инсталляция – семья – произвела на меня большее впечатление, чем гендерные проблемы, решаемые с дотошностью акушера Перевертуном.

Обязательно посмотрите новую экспозицию МСИО.

Но мне все равно не хватает зала Юрия Коваленко, зала Олега Соколова, зала Юрия Егорова, великолепного собрания МСИО работ Олега Волошинова, неконформизма как явления «иных», к которым мы относим и Сиренко, и Асабу, и Тихолуза, и Коровенко... Я из того поколения, для которого современное искусство – это и Люсик Межберг, и Люсик Дульфан, Люда Ястреб и Саша Ануфриев. Как мне их не хватает... И не заменит мне их ни любимые мной Гусев и Стас Жалобнюк, ни не любимый Подлипский и... А тут я мог бы уже голосовать списками...

Я рад, что увидел авторский взгляд, не мой, но имеющий право быть показанным. Интересный. Творческий. Не одесский. Волны Черного моря не бьются о рамы картин, об экраны телевизоров, даже когда там идет великолепный гротеск Ройтбурда (одно из немногих истинно одесских произведений).

Я рад, что музей призвал меня задуматься: а что из *современного* искусства останется в искусстве, а что уйдет в шум.

Я жду 10 апреля – десятилетия МСИО; я жду августа – а вдруг следующий ребенок воплотит и мои мечты...

«Я поведу себя в музей!»

Важно, что эти материалы, содержащие размышления о новой концепции МСИО, рождались в декабре 2017 и в начале января нынешнего года – тогда, когда уже отошла в сторону экзальтация и напряжение презентации. Музей зажил новой жизнью, и началась притирка работы к работе, когда их авторы, знакомые и не знакомые друг с другом, вступают в ночной диалог, когда

и те, кто отверг новую реальность, и те, кто горячо ее принял, возвращаются в эти залы, чтобы утвердиться в своих первых ощущениях или усомниться в них. В музей сегодня приходят и те, кто раньше в нем не был, – вот они удивятся, когда в августе новый куратор осуществит свою идею, и вновь здесь случится перемена...

Удивимся ли мы? Удивлюсь ли я?

Есть лишь один способ узнать это.

Иного не дано:

встречаться в музее!

«Я поведу тебя в музей...»

Те, кто постарше, узнают в этом первую строку старого стихотворения, которое мы заучивали в детстве.

Пока я писал эти заметки, сводя воедино свои сомнения, беседу с Викторией, монолог Евгения Голубовского, этот зачин все время вертелся в голове. Кроме местоимения: вместо «тебя» – «себя», менялись чувства, их степень. Так вопрос сменился многоточием, и в конце восторжествовал восклицательный знак.

Признаюсь, он основан на надежде на то, что заборчик-новодел с классическими работками Хрущика и Сычика вернется: в тот или иной зал – вот это как раз неважно. Придем сюда еще не раз, пристально следя за тем, что будут вытворять очередные молодые кураторы при соучастии директора. И убедимся в том, что пространственно-временной континуум, который отныне размещен в одном из подвальных помещений старого особняка на Белинского, активно работает к удовольствию одних и недомению других.

